

— Сяо Цзю, хоть мы и равны по рангу, я всё же твой непосредственный начальник, и всех твоих гостей распределяю я, — Лин Цзыло сидел на камне искусственной горки, болтая ногами в воде, и насмешливо улыбался. — К тому же, я пришел с добрыми намерениями — снять печати с твоего поместья, которое тебе так нелегко досталось. И вот она, благодарность за доброту...

А-Цзы зашипел, его длинные волосы зашевелились, будто от ветра, хотя воздух был неподвижен. Он явно был готов к драке.

— Не нужно. Проваливай!

Лин Цзыло искоса взглянул на него и изогнул губы в ухмылке:

— О-ля-ля... Какой энергичный. Похоже, тебя не удовлетворили...

А-Цзы весь напрягся, его зубы заскрежетали.

Я слегка нахмурился. От него сильно пахло кровью — неужели его обижали последние несколько дней? Я погладил А-Цзы по голове и спрятал его за спину. Моих людей могу обижать только я сам, но никому другому я этого не позволю. Раньше, не видя и не зная, я мог бы закрыть на это глаза, но теперь? Разве я могу просто отступить?

— Что касается этого великого союза Тяньдао, то я даже немного заинтригован. Передай своему хозяину: если вспомню и будет время, я загляну, — я бросил взгляд на А-Цзы и слегка улыбнулся. — А А-Цзы пока останется у меня.

Лин Цзыло хотел было что-то возразить, но холодный взгляд Фэн Сина заставил его замолчать. Он сердито отвернулся.

Фэн Син отвесил поклон:

— Прошу вас, господин, посетите наш ночной банкет пятого числа следующего месяца...

— Что вы себе позволяете! — А-Цзы выскочил вперед и закричал: — Я же согласился прийти! Почему вы снова лезете к моему брату? Не позволю! Не позволю! Он не пойдет! Он не такой, как я, вы ни за что его не подчините, даже не мечтайте! Кха-кха... кха-кха-кха...

— Мой господин искренне приглашает господина, вместе с...

Я бросил на Фэн Сина такой взгляд, что тот проглотил остаток фразы. Я погладил А-Цзы по спине, помогая ему отдышаться. Я не мастер утешать, поэтому просто сказал:

— У них ко мне дело, они меня не обижали. Тише, не злись.

Слёзы градом покатались из глаз А-Цзы, он всхлипнул:

— Ты другой. Я буду защищать тебя.

Каждая капля его слёз, падая, отдавалась болью в глубине моего сердца. Поначалу я жалел его из-за ран и страданий, а когда он попал в ловушку, злился, но принимал это за параноидальное поведение ребенка, которому не хватает безопасности. Услышав его слова о защите, я испытал странную смесь жалости и горечи. Когда-то давно один несравненный человек тоже обещал защищать меня всю жизнь.

Тогда я только попал в этот мир — растерянный, отторгающий всё вокруг. На людях я улыбался, но в душе ни во что не верил. Я мечтал поскорее вырасти, чтобы покинуть этот чужой мир и вернуться домой. Позже многое изменилось, и я перестал быть тем наивным шестилетним ребенком. Я начал мечтать о том, чтобы сражаться с тем человеком плечом к плечу, а не прятаться за его спиной, ничего не ведая... Понимает ли А-Цзы, какое обещание он только что дал?

Лин Цзыло усмехнулся:

— Ты? Да тебя вывели из себя всего несколько гостей, и ты собрался кого-то защищать? Сиди себе тихо, пока тебя содержат...

Я взмахнул рукой, выпуская бамбуковый талисман, который взорвался прямо перед грудью Лин Цзыло. Тот отлетел на три чжана и врезался в искусственную горку. У меня нет духовной силы, но это не значит, что я не могу атаковать — этот талисман я сделал, когда учил А-Чжу заклинаниям. Внутри была заключена его демоническая энергия. Энергия в теле Лин Цзыло и без того была нестабильна, а этот удар вывел её из равновесия — теперь ему потребуются годы, чтобы восстановиться.

Лицо Фэн Сина изменилось. Он бросился к Лин Цзыло, который обмяк, пробормотал извинения за беспокойство и поспешно направился к воротам.

— Стоять.

Я остановил их. Фэн Син вздрогнул и медленно обернулся. Я встретился с ним взглядом и улыбнулся.

— Пятое число следующего месяца. Пусть ваш хозяин ждет.

Цветы источали густой аромат, а в воздухе клубился пар с привкусом серы. Это был горячий источник.

Я велел А-Чжу приготовить деревянную бочку и лекарственные травы, а затем отослал его прочь. Постучав по краю бочки, где на поверхности воды плавали травы, я сказал А-Цзы, который замер позади:

— Снимай одежду и залезай.

Я не мог смотреть на лужу крови у его ног и цепочку кровавых следов, которые размывались паром источника, стекая в щели между камнями. А-Цзы дрожащими руками стянул одежду. Его тело было покрыто шрамами — и это были те самые двусмысленные отметины, по которым сразу понятно, откуда они взялись. Синяки на запястьях от долгих оков, ожоги от плетей на груди... укусы... кровавое месиво выглядело ужасающе.

Это напоминало сексуальное насилие. Таких ран было недостаточно, чтобы потерять столько крови. Мой взгляд упал на его нижнее белье, я увидел, как он неестественно дрожит, как сжимаются кулаки, выступая венами.

Мой взгляд потемнел. Я отвернулся.

— Снимай всё. Залезай сам.

Думаю, я понял, что с ним делали в Павильоне Укрощения Зверей. Еще несколько дней назад его духовная энергия была чистой, а теперь она стала мутной и хаотичной, будто её всю выкачали и заменили чужой. Увидев эти раны и вспомнив о второсортных техниках парного совершенствования, которые оставила его мать, несложно было догадаться: они использовали его как демонического зверя, чтобы фильтровать примеси в своей энергии.

Парное совершенствование — прекрасная вещь, способная усилить обоих. В реальности низшие культиваторы иногда продают себя высшим ради быстрого роста, но обычно это происходит по взаимному согласию. Но никто не совершенствуется одновременно с толпой людей — энергия не только становится грязной, но и может привести к разрыву тела из-за дисбаланса.

Позади слышалось шуршание, затем шаги, прерывистое дыхание и всплеск воды. Я обернулся. А-Цзы сидел в бочке, погрузившись по грудь. Он боялся: глаза плотно закрыты, ресницы дрожат, на переносице выступил пот, нижняя губа прокушена до крови...

Я постучал по его голове:

— Открой рот. Не хватало еще, чтобы ты испортил единственную уцелевшую часть лица.

Я выбрал с полки несколько флаконов и по очереди высыпал их в бочку. Лекарство пахло резко, и я добавил несколько капель духовной эссенции, превращая запах в легкий цветочный аромат. А-Цзы открыл свои большие глаза и, чувствуя себя неуютно, съежился, погрузив подбородок в воду.

— Брат... я... — прошептал он боязливо.

— Хлоп!

Я отвесил ему подзатыльник.

— Называй меня старшим братом.

Он втянул голову в плечи, закусил губы, в его глазах читалось недовольство.

— Да... младший брат...

Я притворился разгневанным и холодно спросил:

— Как ты меня назвал?

— ...Брат, — тихо произнес он, опустив взгляд.

Я хмыкнул, вытащил его длинные волосы из воды, вынул заколку и позволил им водопадом спастись на пол. Набрал ковш воды и начал медленно поливать его. Фиолетовые волосы слиплись от крови, я пальцами распутывал их, намазывая ароматным составом.

— ...Брат.

— М-м.

— Брат.

— Что?

— Брат...

Я промолчал, ожидая, что он скажет, но он снова разрыдался. Хочет плакать — пусть плачет, станет легче. Я начал массировать его голову, взбивая белую пену. Слушая его плач, я чувствовал невыразимую усталость. Я не умел заботиться о людях и не хотел лишних хлопот,

но этот случай был особенным — от него так просто не избавиться. В современном мире, в этом холодном обществе, я, хоть и был мягкосердечным, не был святым. Я мог помочь бедным школьникам, когда у меня были лишние деньги, или уступить место в автобусе, но если бы мне самому не хватало на еду, я бы точно не стал отправлять деньги в зону бедствия.

В этом мире первым, кого я встретил, был Тяньян. Он оберегал меня, а система здесь была настолько совершенной, что помощь никому не требовалась. Да и сам я был в незавидном положении: низкий уровень культивации, и неизвестно, когда Девять Небес решат меня поглотить...

Я внезапно затосковал по Тяньяну. Когда-то я точно так же рыдал у него на груди, умоляя вернуться домой. Что он тогда сказал? Мы вернемся домой вместе... вместе... Я очень скучаю по тебе. Давай вернемся домой.

Долгое время спустя плач А-Цзы стих. Я смыл пену, вытер его волосы полотенцем и позволил им свободно лежать на плечах. Я подошел к нему и стер слёзы с его лица.

— Выдавливай из себя эту гадость.

А-Цзы поднял взгляд, его глаза, мокрые от слёз, были полны непонимания.

— Это раны от парного совершенствования? — вздохнул я.

Он замер, затем робко кивнул. Его глаза забегали, он не смел смотреть на меня, и слёзы снова потекли ручьем. Я потянулся, чтобы вытереть их, но он увернулся.

— ...Я грязный, — прошептал он.

Я бросил полотенце ему в лицо, встал и скрестил руки на груди.

— Хочешь отомстить? Выдавливай всё это. Не оставляй ни капли чужой энергии. Начинай тренироваться по технике, которую я дам.

Он продолжал сидеть неподвижно. Я нахмурился, схватил его и, игнорируя сопротивление, нажал на точку у основания его позвоночника. Он застыл, не смея пошевелиться.

— Живо избавляйся от этого дерьма! — я убрал руку и позволил ему сползти обратно в бочку.
— Ты думаешь, это дар? Выглядит как прирост силы, но на деле это яд, который тебя убьет. Впрочем... если хочешь оставить, я не...

— ...Брат, А-Цзы слушается, не злись...

Я замолчал, глядя на то, как он суетливо принялся за дело. Я не злился. Страдал-то он, на что мне злиться? Но внутри всё кипело. Стоило представить, как этого изящного подростка используют как игрушку, как помойное ведро, хотелось уничтожить всех этих аморальных мерзавцев. Павильон Укрощения Зверей, значит? Что ж, отлично. Если люди из Тяньдао не знают — ладно, но если знают... Игру можно разрушить.

Внутри что-то щелкнуло. Я улыбнулся, глядя на желтую веревку, появившуюся в моей руке.

Веревка, связывающая бессмертных. Наконец-то Люцзин её перерезал.

Хотя моя духовная энергия все еще была запечатана, через Люцзин я мог использовать её крупницы. Я попытался совершить телепортацию.

— Угх... — я схватился за ствол персикового дерева, подавляя приступ тошноты и подступающую к горлу кровь. Внутренности будто раздавили. Я оглянулся: расстояние телепортации не превышало десяти чжанов.

Сильный яд. Похоже, в критических ситуациях его лучше не использовать. Я начал надеяться, что Юнь Цзяньло поскорее принесет противоядие. Что он сейчас делает?

Ночь была прохладной, как вода. Персиковые деревья в конце третьего месяца цвели в последний раз. Ветер разносил лепестки по всему небу.

Рядом не было того успокаивающего присутствия, и я ворочался, предаваясь мыслям: последние дни он приходил каждую ночь, а сегодня где? Вернулся в реальность выполнять задания или его окружили девицы?

Снаружи слышались шорохи. Я притворился спящим. Через мгновение у кровати раздалось шуршание, кто-то холодный нырнул под одеяло и обнял меня за талию.

Запах был не тем. Я тихо охнул, изображая, что проснулся от сна. Человек рядом тут же напрягся, его пальцы дрожали. Это не он...

Я открыл глаза. В лунном свете, падающем из окна, я увидел А-Цзы. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, его губы дрожали.

— ...Брат, холодно... — голос был тихим, мягким, вызывающим жалость.

Кроме Тяньяна, я ни с кем не делил постель. Я нахмурился — мне это не нравилось. И врать не умеет: он же бессмертный демон, зачем ему спать?

— ...Брат, А-Цзы холодно... — он потянул меня за рукав.

Его тело действительно было холодным. Я протянул правую руку, поправил одеяло и сказал:

— Спи, не хулигань.

Он энергично закивал, радостно улыбнулся и, спрятав голову под одеяло, прижался ко мне. Я вздрогнул от холода, а он, напротив, прижался лицом к моей груди, обвив меня руками и ногами, и что-то невнятно забормотал.

У малыша нет родителей, он жаждет заботы — это понятно. Если бы только он не был таким упрямым. Я укутался в одеяло, положив подбородок на его пушистую макушку. Я гладил его по спине, чувствуя, как его тело согревается. Змеи боятся холода, надеюсь, он не превратится в свою истинную форму посреди ночи — боюсь, я могу принять его за змеиный фарш.

С человеком в объятиях я не мог заснуть. Я то открывал, то закрывал глаза... Вдруг вдали послышались жалобные звуки флейты. Мелодия становилась всё громче, словно кто-то выплескивал ярость. Мне стало беспокойно, но А-Цзы спал крепко. Я осторожно убрал его руки, встал, накинул халат и, взяв гуцинь, вышел наружу.

Я шел на звук флейты, босые ноги ступали по ночной траве. В сердце кольнуло. Под луной на ветке персикового дерева стоял человек в черном. Вокруг него кружились лепестки. Сквозь цветочный дождь выражение его лица было не разобрать. От него веяло одиночеством, беспомощностью, гневом и тоской...

Я замер. Лепестки затуманили взгляд, и мне показалось, что это он. Почему мне так хочется плакать? Виновата луна? Такой красивый свет... мне хотелось разгладить каждую морщинку на его лбу, чтобы его гордые глаза всегда сияли, чтобы он забыл об одиночестве...

Я сел под деревом и тронул струны. Звуки циня слились с флейтой.

— Это ты? — я закрыл глаза, представляя эту картину. Ты понимаешь меня, всегда понимал. Даже если беспокоишься, даже если не согласен, ты просто следуешь за мной, не желая меня связывать, верно? Ты пришел среди ночи, и я думал, что это весенний сон. Если бы не твои следы, я бы не догадался.

О чем ты думаешь? Гордый, самонадеянный, высокомерный, но такой нежный только со мной...

Звук флейты стих. Я нажал на струны, чувствуя боль в кончиках пальцев. Черная фигура прыгнула вниз. В лунном свете я искал знакомые черты на незнакомом прекрасном лице. Очень красивое лицо, но не то, которое я хотел видеть. Я смотрел в её глаза — в них читался гнев, постепенно сменяющийся одиночеством...

Я опустил голову, потирая покрасневшие пальцы. Рядом запахло свежей травой. Ветер шелестел, и мне казалось, что я слышу стук сердца — будто в мире остались только мы двое.

— Я навела справки о Павильоне Укрощения Зверей. Через несколько дней с ними разберутся. Насчет твоего противоядия... я велела им поторопиться. Но это лекарство давно запретили из-за его жестокости, поэтому создать антидот быстро не получится, — её голос был хриплым от усталости.

Я вздрогнул. Это был не тот голос, который я хотел услышать.

— ...Спасибо. Ты появилась в этом облике, значит, мы чужие. Разве тебе не странно так стараться ради незнакомца?

— Не за что. Просто... ты мне приглянулся.

Я медленно наклонился и прислонился к её плечу. Она напряглась. Я закрыл глаза.

— Позволь мне опереться. Всего на минуту.

— ...М-м.

Она расслабилась, позволяя мне устроиться удобнее. Я вдыхал знакомый запах травы, слушал пульс на её шее. Не глядя и не слушая, я представлял, что это он.

— Если будет время, медитируй. Это лекарство не дает использовать духовную силу, но циркулировать её внутри можно. Накопишь больше — после противоядия сможешь перепрыгнуть через несколько уровней.

Её голос стал мягче.

— Не делай ничего опасного. Это лекарство запретили, потому что оно превращает игрока в полноценного человека этого мира. Если ты умрешь здесь, ты исчезнешь и в реальности... — она замолчала.

Я вздрогнул и медленно кивнул, укрываясь полами халата. Какой страшный яд. Чьих рук это дело? Её руки осторожно обняли меня, стало тепло.

Она продолжала давать советы, пока небо не начало светлеть. Услышав пение птиц, я с сожалением отстранился от её плеча.

— Рассвело... — вздохнула она.

— Да.

Я потянулся, разминая затекшие мышцы, и обернулся к ней. Она уже прыгнула на ветку напротив.

— Какой-то волк по имени Цанлан ищет тебя. Просто предупреждаю, — её голос прозвучал холодно.

Я кивнул:

— Цанлан, значит... и он пришел...

Атмосфера вокруг сгустилась. Лепестки на земле закружились вихрем. Я повернул голову и увидел А-Цзы. Он стоял босиком, с распущенными волосами, в глазах читался испуг. Он вцепился в ветку, глядя на нас.

Я снова посмотрел на дерево. Лицо той, что сидела там, было холодным как лед, а её взгляд, направленный на А-Цзы, был острее меча. Она была готова убить.

<http://bllate.org/book/22448/2359533>